

Даниил Семиков

Хроники турбулентности.

Том

2:

«Спектр
распада»

Даниил Семиков

**Хроники турбулентности.
Том 2: «Спектр распада»**

«Автор»

2026

Семиков Д.

Хроники турбулентности. Том 2: «Спектр распада» /
Д. Семиков — «Автор», 2026

Осколки уничтоженного «якоря» рассеяны по городу, и каждый из них смертелен. Алекс, его спасённая подруга и профессор физики, десять лет бывший пленником Лимба, должны найти центральный узел сети до того, как Коллекционер — бывший учёный, ставший сущностью, — активирует его и остановит время навсегда.

© Семиков Д., 2026

© Автор, 2026

Даниил Семиков

Хроники турбулентности.

Том 2: «Спектр распада»

ТОМ ВТОРОЙ: СПЕКТР РАСПАДА

«Хаос — это не отсутствие порядка. Хаос — это порядок, который мы отказываемся понимать».

— Из заметок профессора В.А. Громова

ПРОЛОГ. ТИШИНА ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Кабинет патологоанатома встретил его запахом формалина и озона.

Доктор Илья Сергеевич Комаров работал в городском морге №3 тридцать два года. За это время он научился безошибочно определять причину смерти по цвету внутренних органов, не заглядывая в заключение судмедэксперта. Он не верил в мистику. Он верил в гистологию, токсикологию и температуру тела, падающую ровно на один градус в час.

Но сегодня ночью что-то пошло не так.

Тело доставили вчера. Мужчина, примерно сорока лет, без документов. Погиб при столкновении грузовика с пешеходом на мокрой дороге — рядовая авария, если не считать того, что водитель утверждал, будто «человек возник из воздуха прямо перед капотом». Водителя отправили на освидетельствование. Тело — на стол к Комарову.

Внешних повреждений было на удивление мало. Закрытая черепно-мозговая травма, множественные переломы рёбер, разрыв аорты — смерть наступила мгновенно. Обычная рутина. Илья Сергеевич уже собирался диктовать заключение на диктофон, когда заметил нечто странное.

Из-под ногтевой пластины указательного пальца правой руки торчал крошечный чёрный осколок. Размером с крупинку соли.

Он наклонился ближе, поправив лампу. Осколок был неестественно гладким — никаких зазубрин, словно его не выломали из породы, а вырастили кристаллической решёткой наружу. В его глубине, если смотреть под определённым углом, мерцал тусклый фиолетовый огонёк. Слишком слабый для отражения, слишком ровный для биолюминесценции.

— Любопытно, — пробормотал Комаров и взял пинцет.

В ту же секунду, как металл коснулся осколка, тишину морга разрезал звук.

Тик-так.

Ритмичный. Чёткий. Совершенно невозможный в этом помещении, где единственными часами были электронные на стене — бесшумные по определению.

Тик-так.

Звук шёл от тела. Изнутри грудной клетки.

Комаров замер. Пинцет дрогнул в пальцах. Тридцать два года работы не подготовили его к тому, что случилось дальше: труп на столе открыл глаза. Они были пусты, белы, как варёные яйца, и смотрели не на врача, а сквозь него — в какую-то точку за потолком.

А затем тело заговорило.

— ...кто-нибудь... — голос был механическим, лишённым интонаций, как запись на заезженной плёнке. — ...слышите меня?.. здесь очень темно... я не могу найти выход...

Комаров отшатнулся, опрокинув столик с инструментами. Скальпели и зажимы со звоном рассыпались по кафелю. Тело на столе дёрнулось — раз, другой — и затихло. Глаза закрылись. Тиканье прекратилось.

Дрожащей рукой он потянулся к телефону, чтобы позвонить в полицию. Но прежде чем его палец коснулся сенсора, осколок под ногтем трупа вспыхнул ослепительным фиолетовым светом и рассыпался в пыль, не оставив следов.

Когда санитары вбежали в кабинет, они нашли Илью Сергеевича сидящим на полу. Он был жив. Но он молчал. И продолжал молчать ещё три дня, пока его не перевели из кардиологии в психиатрическое отделение.

В истории болезни появилась запись: «Острый психоз. Пациент утверждает, что слышит тиканье часов внутри собственной головы».

Так в городе появился первый Осколок.

И он был далеко не последним.

ГЛАВА 1. ОЖОГ

Мастерская больше не существовала.

Алекс стоял перед обгорелым остовом здания и смотрел на то, что осталось от его крепости. Пожарные сработали быстро, но старые перекрытия, пропитанные десятилетиями масла и растворителей, вспыхнули как порох. От внутренней отделки не осталось ничего. Только бетонная коробка, закопчённая до черноты, и запах — сладковатый, химический, с примесью озона.

Озон.

Теперь этот запах преследовал его повсюду. Он просыпался среди ночи от его привкуса на губах, чувствовал его в метро, в очереди за хлебом, в промозглом воздухе ноябрьского парка. Иногда ему казалось, что это просто память тела — фантомная боль пережитого ужаса. Но иногда он не был в этом уверен.

Он смотрел на остов мастерской и думал о том, что потерял не просто стены и инструменты. Он потерял дело. Часовщик без мастерской — как пловец без воды. Восемнадцать лет практики, тысячи разобранных и собранных механизмов, пальцы, которые помнили тонкость настройки лучше, чем глаза видели детали. Всё это теперь лежало под слоем пепла.

«Кем я буду, когда всё это закончится?» — спросил он себя. И не нашёл ответа.

— Долго ты ещё будешь тут стоять?

Голос Маши вывел его из оцепенения. Она ждала у машины, кутаясь в серое пальто. В утреннем свете её лицо казалось бледнее обычного, а под глазами залегли тени, которые не исчезали уже месяц.

— Хотел найти кое-что, — ответил Алекс, отворачиваясь от пожарища. — Инструменты. Документы.

— Там ничего не уцелело, — Маша говорила тихо, почти без интонаций. — Пойдём. Громов ждёт.

Она села в машину и захлопнула дверцу, оборвав разговор.

Алекс ещё раз оглянулся на остов мастерской. Где-то там, под слоем обугленного бетона и оплавленного пластика, лежали останки напольных часов профессора Громова. Механизм, который сначала впустил тьму, а потом помог её запереть. Алекс сжёг его дотла.

Вместе с камнем.

Вместе с единственным ключом к пониманию того, что с ними произошло.

Квартира, которую снимал Громов после своего «возвращения», находилась на другом конце города — в районе, который риелторы называли «историческим», а все остальные — «ветхим фондом». Старый дом с осыпающейся лепниной, скрипучие деревянные лестницы, запах пыли и кошачьей шерсти. Профессор занимал две комнаты на четвёртом этаже, превратив их в подобие лаборатории на пенсии.

Когда Алекс и Маша вошли, Громов стоял у окна и сосредоточенно рассматривал что-то через старую лупу часовщика. Перед ним на подоконнике лежала газета трёхдневной давности. Алекс заметил, что руки профессора слегка дрожат. С момента возвращения из Лимба Громов стал хуже спать — Алекс слышал, как тот просыпается по ночам и бормочет формулы, словно проверяя, что реальность всё ещё подчиняется законам физики.

— Доброе утро, — бросил он, не оборачиваясь. — Вы когда-нибудь обращали внимание на некрологи?

Алекс переглянулся с Машей. Она была психологом — во всяком случае, была им до того, как Лимб переписал все её представления о человеческой психике. Полка с книгами по гештальт-терапии и когнитивной психологии осталась в её квартире, но сама Маша теперь куда лучше разбиралась в иных состояниях сознания — тех, которые не описаны в учебниках.

— Не сказал бы, что это моё обычное чтение, — ответил Алекс.

— Очень зря, — Громов отложил лупу и наконец повернулся. За месяц после возвращения из Лимба он постарел лет на десять. Глубокие морщины прорезали лоб, а в глазах поселилась постоянная, не проходящая тревога. Десять лет в междумирье не прошли бесследно: иногда он замирал на полуслове, глядя в пустоту, и тогда Маша подходила и тихо клала руку ему на плечо, возвращая в реальность. Но голос оставался твёрдым — голос лектора, привыкшего объяснять необъяснимое. — За последние три недели в городе умерло четыре человека. Три сердечных приступа и одно самоубийство. Все четверо — в возрасте от тридцати до сорока пяти лет, без хронических заболеваний. И знаете, что их объединяет?

— Ты скажи, — Алекс снял куртку и бросил её на стул.

— Время смерти. Все четверо скончались ровно в 3:15 ночи. С разницей в несколько дней, но в одну и ту же минуту.

Маша вздрогнула. Её рука непроизвольно сжалась в кулак.

— 3:15, — прошептала она. — Это время, когда...

— Когда мы уничтожили камень и закрыли прорыв, — закончил Громов. — Точнее, когда вы это сделали. Я находился в Лимбе и воспринимал время иначе, но факт остаётся фактом: разрушение «якоря» породило... эхо.

Он снял очки и устало потёр переносицу.

— Я пытался убедить себя, что это совпадение. Четыре случая — недостаточная выборка для серьёзных выводов. Но сегодня утром появился пятый.

Громов протянул Алексу газету. На первой полосе чернел заголовок: «ПОЖАР В МАСТЕРСКОЙ ЧАСОВЩИКА: ВЕРСИЯ ПОЛИЦИИ — НЕИСПРАВНАЯ ПРОВОДКА».

— Это мы уже проходили, — буркнул Алекс. — Старая новость.

— Читай ниже.

Алекс опустил взгляд. В нижней части полосы мелким шрифтом была набрана короткая заметка в две строки: «В ту же ночь при загадочных обстоятельствах скончался владелец соседнего здания. По предварительным данным, мужчина выбросился из окна, услышав странный звук, доносившийся из его коллекции антикварных часов».

— Пятый, — тихо сказал Алекс. — Время смерти?

— Угадайте, — горько усмехнулся Громов.

В комнате повисла тишина. Слышно было только, как ветер шевелит старые рамы и где-то далеко, на соседней улице, воеет сирена скорой помощи.

— Это значит, что камень не уничтожен? — спросила Маша. Её голос прозвучал неожиданно резко.

— Это значит, что мы плохо понимаем, что именно мы уничтожили, — ответил Громов. — «Якорь» был устройством, фиксирующим точку пространства-времени. Но он также был резонатором. Когда Алекс разбил его в Лимбе, структура «якоря» разрушилась, но составляющая его... субстанция... не могла просто исчезнуть. Закон сохранения энергии никто не отменял.

— Субстанция? — переспросила Маша. — Ты говоришь о том, что было внутри камня?

— Я говорю о том, из чего состояла сущность. И сам камень. Они были связаны на квантовом уровне, — Громов начал расхаживать по комнате, как делал всегда, когда волновался. — Когда сущность была уничтожена резонансным импульсом упорядоченной энергии, «якорь» потерял свой объект фиксации. Он перестал быть тюрьмой, потому что тюрьма без заключённого — это просто пустая камера. Но его структура, его решётка, была всё ещё активна. И когда Алекс разбил камень...

— Он разбил не только камень, — закончил Алекс, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Он разбил саму решётку. На куски. На осколки.

Громов остановился и посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Именно так. Я провёл расчёты. Если моя модель верна, при разрушении «якоря» должно было образоваться от десяти до пятнадцати осколков. Микроскопических фрагментов кристаллической структуры, сохранивших часть своих свойств.

— Каких свойств? — резко спросила Маша. — Они всё ещё держат сущность? Или выпускают?

— Ни то, ни другое, — Громов подошёл к своему столу и взял исписанный формулами лист бумаги. — Осколки неполноценны. Они не способны ни удержать, ни выпустить что-либо на физическом уровне. Но они сохранили способность резонировать. Взаимодействовать с сознанием. С психической энергией.

Алекс вспомнил свои эксперименты с камнем перед тем, как уйти на склад к Елене. Визуализация, волевое усилие, обратная связь.

— Они реагируют на эмоции, — сказал он. — Как оригинал.

— Хуже, — Громов опустил листок. — Оригинальный «якорь» был сбалансирован. Он удерживал хаос в стазисе, питаясь страхом оператора и преобразуя его в энергию фиксации.

Осколки — это осколки. У них нет баланса. Нет стабильности. Они реагируют на любое сильное чувство, но не преобразуют его, а перенаправляют. Как призма, которая фокусирует солнечный луч в точку и поджигает то, на что её навели.

— Человек умирает в 3:15, — прошептала Маша, — потому что кто-то в этот момент испытал сильное чувство? Страх? Гнев? Отчаяние?

— Или наоборот. Радость. Облегчение. Любовь, — Громов посмотрел на них поверх очков. — Для осколка не важна полярность эмоции. Важна только амплитуда. Интенсивность. Достаточная, чтобы запустить резонанс.

В этот момент Алекс почувствовал знакомый запах. Слабый, почти неуловимый, но безошибочно узнаваемый. Озон. Он шёл откуда-то из центра комнаты, хотя никакой техники там не было. К запаху примешивался другой — холодный, металлический, как воздух перед грозой в горах.

— Профессор, — медленно произнёс он, — вы не чувствуете?

Громов замер, пригнувшись. Его лицо побледнело. На секунду он застыл, глядя в пустоту, — точь-в-точь как в те моменты, когда его накрывали флешбэки из Лимба. Маша сделала шаг к нему.

— Чувствую, — сказал он наконец. — Но этого не может быть. Я проверял эту квартиру трижды. Здесь нет осколков.

Маша встала со стула, глядя перед собой расширенными зрачками. Её рука потянулась куда-то в воздух, словно она пыталась нащупать невидимую нить. Тишина в комнате сгустилась, стала вязкой, как патока, и в этой тишине Алекс услышал новый звук — не тиканье, не гул, а высокий, почти на грани слышимости, звон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.